

МИЛАЯ ДЭВИС

О как сумею мне овладеть
Искусством песнопенья,
Постичь ту власть, что в редкий час
Дарует вдохновенье?
Но и оно свой дар должно
Удвоить, чтоб в напеве
Слышна была, видна была
Вся прелесть милой Дэвис.

Она войдет – и все поет;
Так вслед за ночи ливнем
Придет рассвет и, им согрет,
Сад расцветает дивно.
Те, что все дни обречены
Снега без края видеть,
Подобны нам, когда она,
Простившись с нами, выйдет.

Тот счастлив стал, кто разделял
Ее улыбки радость;
Монархов власть повелевать
В ее разящих взглядах.
Любимец битв не устоит
Перед оружием девы;
Сдается он, идет в полон,
Признав победу Дэвис.

Как мне дерзать о ней сказать,
Мне, скромных муз питомцу?
Орлы одни познать вольны
Великолепье солнца.
Напрасный труд бряцать мне тут
На струнах лиры древней;
Молчит она, поражена
Великолепьем Дэвис.

СТАРУХА И ЧЕРТ

Жил однажды старик со старухой своей
(Ласково рута тимьян обвила),

И была она сущей чумой его дней;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Раз под вечер бредет старина через дол
(Ласково рута тимьян обвила),
А навстречу нечистый: «Ну, с чем, мол, пришел?»
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

«Все бы ладно – докука чертовка-жена
(Ласково рута тимьян обвила);
С ней в сравненьи – не к слову будь – свят сатана».
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

«Я не трону коня и вола твоих век
(Ласково рута тимьян обвила),
Но подай мне чертовку свою, человек».
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

«Сделай милость, возьми, – старый до смерти рад
(Ласково рута тимьян обвила), –
Коль поладишь с ней – хуже ты, чем говорят».
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Кинул за спину старую старенький бес
(Ласково рута тимьян обвила)
И к себе в преисподнюю молча полез,
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Он доносит ее до жилья своего
(Ласково рута тимьян обвила)
И велит вместо стервы служить у него,
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Чертенят полусотню отборных зовет
(Ласково рута тимьян обвила)
И старуху стеречь им приказ отдает;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

А старуха на них словно дикий медведь
(Ласково рута тимьян обвила),
Кто приблизится к ней, тот не сунется впредь;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Из-за печки взмолился малыш-домовой
(Ласково рута тимьян обвила):

«Ох, спаси нас, хозяин, от бабы лихой».
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Черт поклялся ножом, закаленным в огне
(Ласково рута тимьян обвила),
Что сочувствует тем, кто привязан к жене;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Черт поклялся на церкви и колоколах
(Ласково рута тимьян обвила),
Слава богу-де был он в аду, не в мужьях;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Стреб старуху в охапку нечистый в тот миг
(Ласково рута тимьян обвила)
И к порогу подбросил, где ожил старик;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

«Образ жизни я сроду чертовский веду
(Ласково рута тимьян обвила),
Но не встретившись с женщиной, не был в аду».
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

СТАРИК ИЗ КЕЛЛИБЮРН

Ранняя редакция перевода

В Келлибюрн жил старик со своей женой
(Ласково рута тимьян обвила),
А старуха была настоящей чумой;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Вот однажды бредет старина через дол
(Ласково рута тимьян обвила),
А навстречу сам дьявол: «Ну, с чем, мол, пришел?»
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

«Все бы ладно – докука чертовка-жена
(Ласково рута тимьян обвила),
С ней в сравненьи – не к слову будь – свят сатана».
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

«На коня и быка твоих зла не таю
(Ласково рута тимьян обвила),
Но подай-ка мне черту чертовку свою».

Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

«Сделай милость, возьми, – старый до смерти рад
(Ласково рута тимьян обвила), –
Коль поладишь с ней – хуже ты, чем говорят».
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Кинул за спину старую старенький бес
(Ласково рута тимьян обвила)
И к себе в преисподнюю молча полез,
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Он доносит ее до жилья своего
(Ласково рута тимьян обвила)
И велит вместо стервы служить у него,
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Бесенят полусотню на службу призвал
(Ласково рута тимьян обвила)
И старуху строжайше стеречь наказал;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

У старухи не норов, а бешеный зверь
(Ласково рута тимьян обвила),
Покидала немедля всю стражу за дверь;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Из-за печки взмолился малыш-домовой
(Ласково рута тимьян обвила):
«Защити нас, лукавый, от бабы лихой!»
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

И нечистый поклялся на шпаге своей
(Ласково рута тимьян обвила),
Что сочувствует участи бедных мужей;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Он божился звонницей и храмом святым
(Ласково рута тимьян обвила),
Что в аду, слава богу, он был холостым;
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

Стреб лукавый старуху в охапку в тот миг
(Ласково рута тимьян обвила)
И к порогу подбросил, где ожил старик;

Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

«Сколь живу – век чистилищем я управлял
(Ласково рута тимьян обвила),
А до женщины ада по сути не знал».
Был тимьян, да увял, рута пышно цвела.

ДЖОН ЯЧМЕННЫЙ ЗЛАК

Земель восточных короли
Втроем решили так:
Да будет прочь с лица земли
Стерт Джон Ячменный Злак.

Проехал плуг, и вот уж он
Под тяжким гнетом глыб;
Решают короли, что Джон
Ячменный Злак погиб.

Но в добрый час пришла весна,
Дожди согнали снег,
Ячменный Злак восстал от сна,
Перепугав их всех.

От летних солнечных щедрот
Набрался силы он,
И поднялся во весь свой рост,
Стоит, вооружен.

Украдкой осень подошла,
Врасплох застигнув Злак,
Опять худы его дела,
Согнулся Джон-бедняк.

Ослаб и начал увядать,
Стареет, никнет Джон;
Тогда враги его опять
Сошлись со всех сторон.

Кривым зазубренным серпом
Бедняга свален с ног,
А там – беспомощным снопом
Везут его на ток.

Бросают навзничь на току,
Ломают грудь цепом,
Трясут, мотают, волокут,
Пронзают сквозняком.

Затем, чтобы последних сил
Лишился Джон-герой,
Он в ров глубокий брошен был,
Наполненный водой.

Без головы, без ног, без рук
Простерт он на земле,
Он жив для новых тяжких мук
Злодеев-королей.

Он жив – пусть плоть его спалил
Огонь печной до тла,
А сердце мельник раздавил
Камнями до бела.

Он жив – его живая кровь
В стаканах на столе,
И в каждой капле дышит вновь
Противник королей.

Был Джон Ячменный Злак упрям,
Отважен до конца,
И кровь героя полнит нам
Отвагою сердца.

Он утомленной голове
Дарит веселья час,
С ним легче молодой вдове
Смахнуть слезинку с глаз.

Стаканы наливай полней,
Мой тост поддержит всяк:
Расти и зрей, родных полей
Ячменный сладкий злак!

ПОСЛАНИЕ ВИЛЬЯМУ СИМПСОНУ

Любезный Вилли, я, слов нету,
Твоим обрадован приветом,

Но был бы олухом отпетым,
Чванлив как спесь,
Когда б за чистую монету
Я принял лесть.

Виню характер твой широкий,
Не принимаю за намеки
И злой иронии наскоки
На бедных муз
Все эти выпренные строки
И все ж сержусь.

Будь я пустейшим фантазером,
Тогда бы мне решиться впору
Тягаться с Гамильтоном, в гору
К Рамсею лезть
Иль Фергюссонову оспорить
Бессмертья честь.

(О Фергюссон! Твой славный дар
Сгубил порядок – дик и стар!
Проклятье шлю вам, господа!
Десятки тыщ
Унес картежный ваш азарт,
А он был нищ!)

И все ж – мечта ль на ум взбредет,
Любовь ли сердце надорвет
(Пожалуй, в гроб меня сведет
Любви недуг!)
Под звук свирели отдохнет
Душа от мук.

Старушка Койл, считай, что днесь
И у тебя поэты есть,
Они не впрок слагают песнь,
А так поют,
Чтоб эхо подхватило весть
Про честь твою.

Доселе ни одним поэтом
Места родные не воспеты,
Как будто бы они край света,
Где нет людей,
Иль остров, что затерян где-то

Среди морей.

Рамсей и Фергюссон чудесно
О Форсе, Тее пели песни,
Про Твид и Ярроу повсеместно
Молва твердит,
А Ирвин, Лугар, Эйр – безвестны,
И Дун забыт.

Пусть Иллис, Темза, Тибр и Сена
Сверкают в звучных песнопеньях;
Смелей! Достанет нам уменья,
И мы вдвоем
В честь речек у родных селений
С тобой споем.

Споем во славу нив, лугов,
Ковров из вереска цветов,
Лощин, зеленых берегов,
Где в старину
Уоллес славный на врагов
Поднял страну.

О, это имя много скажет
Любому, кто свободы жаждет!
Отцы-герои не однажды
Вперед с ним вместе
Шли по колено в крови вражьей
Иль гибли с честью.

Как хороши леса, долины,
Что полны трелей соловьиных,
Где зайцы в радости невинной
Несутся вскачь,
Где вечерами голубиный
Любовный плач!

Есть и в зиме очарованье:
Метель печально песню тянет,
Мороз узорным одеяньем
Скалу укроет,
Пурга закружит, свет затянет
Глубокой тьмою.

Любой земли наряд и вид

Сердца и чувства полонит!
Нас лето светом озарит,
 Теплом лучей,
Зима – снегами одарит
 И тьмой ночей.

Поэту с музой не общаться,
Пока он не охоч скитаться,
Вслед за потоком пробираться
 Стопой беспечной;
В пути найти – какое счастье! –
 Напев сердечный.

Иные весь свой век до гроба
Теснят друг друга, спорят, злобясь;
Дай мне найти природы образ –
 За это счастье
Мир, муравейнику подобный,
 Отдать согласен.

Прощай, собрат мой по призванью,
Жаль, что не знал тебя я раньше,
Теперь соединим желанья
 И силы братски –
Пусть зависть прочь от нас отпрянет
 В свой угол адский.

Пока налоги – бич народа,
Пока не прочь поест голодный,
Пока земля кружит свободно
 Среди небес,
Твой друг по цели благородной
 Я – РОБЕРТ БЕРНС.

ПЯТЬ СТАРУХ (предвыборная баллада)

Старух собралось счетом пять,
Чтоб сообща решить,
Кого в столицу им послать
И что препоручить.

Не столь, чтоб новости узнать,
Сколь ради общих благ,

Посланец, надо полагать,
Быть должен не дурак.

Была там леди Берегов –
Горда, скупа, темна;
Была хозяйка Городов –
Степенна и умна.

Владелица Морских судов
Среди старух была,
Миледи Винных погребов,
Шатаясь, прибрела,

Была мадам от Рудных гор –
Черна, хитра, худа;
И вот пошел великий спор,
Кого послать туда.

Кому отдать дела вершить,
Вручить казну и власть
Так, чтобы не переперчить
И всласть не перекласть.

Пообсудив сынов своих
Пристрастно вес и стать,
Остановились на двоих
И стали выбирать.

Один – потомственный герой,
Наследный дворянин,
Все стали б за него горой,
Когда б он был один.

Он бы обтяпал все дела,
Он знатный говорун,
Его рука всегда была
Угоднее двору.

Его соперник – из солдат,
Красно не говорит,
Но для старух стараться рад,
Коль скоро угодит.

Нет ни чинов, ни орденов,
Ни титулов звучней,

Но от врагов спасти готов
Отчизну и друзей.

Кого избрать, кого годить, —
Толкуют пять старух, —
И знати чтобы угодить,
И чтоб карман распух.

По праву леди Берегов
Свой излагает взгляд:
«Солдат и молод, да толков,
Пускай идет солдат.

К монарху поручений нет
У нив и берегов,
Но шлём привет на много лет
Наследнику его».

Надменно речи повела
Хозяйка Городов,
Она средь первых отдала
Британцам хлеб и кров:

«Меня забыл светлейший двор,
И я забыла их,
Пусть передаст наш разговор
Беднейший из двоих».

Вскочила, словно взбеленясь,
Мадам Морских пучин
И смертным часом поклялась,
Что лучший — дворянин:

«За морем, ведомо, у птиц
Сплошь золото перо,
А для торгующих столиц
Сойдет и серебро».

А та, чей эль, бубнит сквозь хмель:
«Известно, девки, всем,
Монарший дед, слышать, на нет
Нет-нет сойдет совсем.

Кто старику-то присягал,
Едва ли где живой.

В такой-то час нужней нахал
И лучше – родовой».

Проста в речах хозяйка шахт,
Пряма и коротка:
«На черта молодой монарх,
Плевать на старика.

Простак мудрит и так и сяк,
А жулик прячет смех;
Достойней тот, кого народ
Сочтет достойней всех».

Кто победит-осилит там,
Король не знает сам;
Дай бог достатка королям
И хоть немного нам.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ СТИХОВ

Знак дружбы искренней моей
Вниманием пожалуй;
Пусть скорбна память прошлых дней –
Не плачь, хоть от слезы твоей
Мне, верно, полегчало б.

Был безмятежен мой восход,
Не знал я той порою,
Что потемнеет небосвод,
Что ярость горя и забот
Лишит меня покою.

Вам мнится рад я? О, стократ
Мне эта радость встала;
Не спрятать от себя утрат,
Когда мучительно язвят
Глубокой скорби жала.

Прощай! Вздохнешь ли ты о нем –
Краев шотландских сыне –
Слеза ль сквозь смех блеснет тайком:
Он прежде был весельчаком
И так несчастлив ныне!

НЕ ВИДЕЛИ ЛЬ ВЫ?

Не видели ль вы моей милой?
Не видели ль вы моей милой?
В лесочке была, другого нашла,
Не жди, чтоб она воротилась.

Что милая вам говорила?
Что милая вам говорила?
Не нужен ты ей, просила о ней
Забыть, как она позабыла.

О лучше б не знать ее было,
О лучше б не знать ее было,
Красива она, да лжива она,
Она мою жизнь погубила.

В ТЕНИ БЕРЕЗ

Знакомый дол, знакомый дом
В тени березовых ветвей,
Звон колокольный над селом,
А что нет ласковой моей?

То не она меня зовет —
То ветер шелестит в саду,
То птица певчая поет,
Встречая первую звезду.

Но вот я слышу голос твой!
Так соловей в тени кустов
Подругу кличет всей душой —
В нем музыка и в нем любовь.

И ты пришла? И ты верна?
Тебя здесь ждут любовь и я,
Друг другу скажем все сполна
В тени берез, любовь моя.

БЕРЕГА ДУНА

Как могут травы зеленеть,

Цветы цвести в полях,
Как могут птицы звонко петь,
Когда горюю я?

Мне песнь насмешника дрозда
На части сердце рвет,
Как жизнь моя была чиста
Тому всего лишь год!

Бродила я по берегам,
Где жимолость цвела,
И распевала песни там
Как птица весела.

Однажды среди бела дня
Я розу сорвала...
Он розу взял, а у меня
В руках – шипа игла.

АЛЕЕ РОЗ ЛЮБОВЬ МОЯ

Алее роз любовь моя,
Что вырастил июнь,
Нежнее, чем мелодия
Согласных звуков струн.

Как нет тебя красивее –
Нет чувств моих нежней,
Скорей моря повысохнут,
Чем глубь любви моей.

Пока моря полны водой,
Покуда твердь тверда,
Тобою полон я одной
Оныне навсегда.

Прощай, любовь моя, пока
Дороги даль зовет,
В пути к тебе недалеко
Даль в десять тысяч верст.

ДАЙ МНЕ К ГРУДИ ТЕБЯ ПРИЖАТЬ

Дай мне к груди тебя прижать,
Дай верности мне слово –
И в мире незачем искать
Сокровища иного.
Ужели вправду слышу я
В ответ слова согласия?
Лишь ты одна, любовь моя,
Мое земное счастье.

Богатств не счесть, какими днесь
Меня ты оделила,
Нет доли лучшей у небес,
Чем миг блаженства с милой.
Вечерней теплой синевой,
Сердечным поцелуем
Клянусь, любимая, я твой,
Как жизнь тебя люблю я.

КТО ТА, ЧТО МНЕ ЖЕЛАННА?

Кто та, что мне желанна
Как жизнь, как свет, как воздух?
Нежна та, что мила мне
Как на ресницах розы
Росы июльской слезы!

Вот, кто живет в моей груди,
Вот, кто мне всех желанней,
Хоть всю вселенную пройди,
А ей не сыщешь равной.

Коль ты девчонку встретишь
И с первого же взгляда
Признаешь, что при свете
Нельзя с ней ставить рядом
Души твоей отраду –

Вот, кто живет в моей груди и т. д.

Коль голос с первой встречи
Ты хочешь слышать снова,
Забыв всех прочих речи,
Внезапно очарован
Мелодиею слова –

Вот, кто живет в моей груди и т. д.

Коль повстречался с нею,
Расставшись, самых милых
Ты позабыть сумеешь,
А эта — дивной силой
Все чувства полонила.

Вот, кто живет в моей груди,
Вот, кто мне всех желанней,
Хоть всю вселенную пройди,
А ей не сыщешь равной.

КОГДА Б ЛЮБОВЬ МОЯ ЦВЕЛА

Когда б любовь моя цвела
В саду как вешняя сирень,
А я имел бы два крыла,
Чтобы в цветах порхать весь день, —

Я бы страдал, когда б сковал
Сирень мороз зимой седой,
Но пел бы ей: грустить не смей,
К нам май вернется молодой.

Когда бы любовь, как розы куст
Цвела и рдела у стены —
Я бы росой на крылья уст
Скатился в сумерках ночных, —

О как бы счастлив был я там,
Как ликовал бы я в ночи,
Как прижимался бы к устам,
Встречая Фебовы лучи!

ТЫ ПРИСТАВАЙ

Ты приставай, спать не давай,
Она одна весь вечер,
Но сразу, друг, не унывай,
Коль не идет навстречу.

Пообещай поцеловать,
Назвав ее с другою,
А не захочет признавать –
Пускай бранится вволю.

Ты приставай, да не робей,
А если примет плохо –
Не трать напрасно время с ней,
Не трать впустую вздохов.
Не траться из-за чепухи,
Пообмозгуй спокойно:
Там не в почете женихи,
Где нет невест достойных.

МЭРИ МОРИСОН

О Мэри, подойди к окну,
Услышь слова души моей,
Дай я в глаза твои взгляну,
И жизнь покажется светлей.
Рабом быть до исхода дней
Пусть я судьбою обречен –
Я буду счастлив вместе с ней,
Нежнейшей Мэри Морисон.

Вчера под звон певучих струн
Кружился в танце светлый зал,
А я на легких крыльях дум
К тебе весь вечер улетал;
Свет собирал на этот бал
Красавиц юных, нежных жен.
«Нет, нет, – со вздохом я сказал, –
Вы все – не Мэри Морисон».

О Мэри, не томи того,
Кто без тебя не может жить,
Не огорчай же ты его
За то, что смел тебя любить.
Коль не судьба любимым быть,
Скажи мне хоть, что я прощен,
Поверь, нельзя не извинить
Мечты о Мэри Морисон.

ДЖОНУ ТЕЙЛОРУ

Скакал однажды Аполлон
По скалам на Пегасе,
На ледяных уступах конь
Скользил и спотыкался.

Пегас давно не кован был
И еле плелся шагом,
Вулкана всадник попросил
Перековать беднягу.

Вулкан оставил все дела
Для первого поэта,
Работа срочная была
Оплачена сонетом.

Потомки бога кузнецов,
В беде мне помогите:
Пегас мой тоже без подков,
Плачу как мой учитель.

ВЕТЕР ВЫЛ НАД ГОЛОВОЙ

Ветер выл над головой,
Расставался лес с листвой,
Речка бурная шумела,
И рыдала Изабелла:
«Где вы, радость и веселье,
Как вы быстро пролетели,
Как угрюма ночь печали,
Беспросветны стали дали!

О минувшем слишком нежном,
О грядущем безутешном
Горек час душевной муки,
Опустились вовсе руки.
Жизнь, душа всего живого,
Тяжела ты для иного,
Рада б я с тобой расстаться
И со тьмой навек смешаться!»

ПАХАРЬ

Не знает ветреных измен
Тот пахарь, что люблю я,
Носки он носит до колен
И шляпу голубую.

Нам славно с пахарем вдвоем,
С ним путь любой не страшен,
Всяк жив каким-нибудь трудом –
Мне мил, кто землю пашет.

Придет он вечером домой,
Промокший и усталый,
Сырое сменит и сухой
Залезет под одеяло.

Одежду вычищу ему
И обувь просушу я,
Прощаясь утром, обниму,
И встречу поцелуем.

Живала я и там и тут,
И в городе бывала,
Но сколько жить, мне не забыть,
Как ловко танцевал он.

Чулки его белы как снег,
Серебряные пряжки,
Он в шляпе шерсти голубой –
На свете нету краше.

Я не пойду на скотный двор,
Жнецов встречать не выйду,
Узнала счастье я с тех пор,
Как он меня увидел.

Нам славно с пахарем вдвоем,
С ним путь любой не страшен,
Всяк жив каким-нибудь трудом –
Мне дорог – пахарь пашен.

ПЬЮ ЗА ЕГО ЗДОРОВЬЕ

Пусть рухнули мои мечты,
В чем он один виновен,

Пусть рухнули мои мечты –
Пью за его здоровье.

О, вздорный нрав его да спесь,
Да ловкость в суесловье
Виновны, что смеются днесь
Все над моей любовью.

Пусть боль позора моего
Его была работой,
Пусть – за здоровье его
Я пью сегодня воду.